

ЖЕНЩИНА

В РУССКИХ
СКАЗКАХ

КРАСНА ДЕВИЦА,
ЧУДЕСНАЯ ЖЕНА И БАБА-ЯГА –
АРХЕТИПЫ ЖЕНСТВЕННОСТИ
В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ТРАДИЦИИ

Коллектив авторов
Женщина в русских
сказках. Красна девица,
чудесная жена и Баба-Яга –
архетипы женственности в
русской народной традиции
Серия «Нескучный фольклор.
Мифы, сказки, легенды»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73387823

Е. Хортова. Женщина в русских сказках. Красна девица, чудесная жена и Баба-Яга – архетипы женственности в русской народной традиции:

ООО «Издательство «Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-240549-5

Аннотация

«Красна девица» – первое, что приходит на ум, когда мы задумываемся о женщине в русской фольклорной традиции. Но кто на самом деле стоит за этим кратким и обезличенным описанием и чего от нее ожидать?

Эта книга расскажет о том, как в русских сказках, героическом эпосе и мифологии воплощается многогранность женственности: послушная дочь, верная жена, коварная ведьма, загадочная русалка или могущественная богиня. Через них передаются важнейшие ценности, уроки и традиции, которые веками формировали представления о красоте, силе и женственности.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Введение. Героини на все времена	6
Глава 1. Красна девица	12
Послушная дочь	15
Чудесная жена	25
Похищение невесты	36
Спасительница	42
Богатырша	50
Глава 2. Мать	61
Наставница	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Е. Хортова

Женщина в русских

сказках. Красна девица,

чудесная жена и Баба-Яга –

архетипы женственности в

русской народной традиции

© Хортова Е., текст, 2026

© Lotur Norn, иллюстрации, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Введение. Героини на все времена

Столетиями героями мифов и легенд становились в первую очередь мужчины. Цари, воины, герои, разбойники, спасители, заступники – они вершили судьбы мира, завоевывали и защищали земли, разрушали и создавали. И пусть образы сильных женщин тоже встречались в фольклоре, это в некотором смысле были одиночки, словно исключения, подтверждающие правило. Чаще же это были образы, сопутствующие главным героям: богиня, ревнующая мужа-бога, и его любовницы, страдающие от ревности законной супруги, – как Зевс и Гера, или богиня, сопровождающая мужа в изгнание и годами облегчающая его муки в наказании, назначенном другими богами, – как Локи и Сигюн.

Безусловно, в самых архаичных мифах, особенно в космогониях, встречается упоминание некоей праматери-земли, которая вступает в брак с праотцом-небом и порождает все сущее. Оттуда же берут начало легенды о богинях судьбы, что определяют жизнь каждого – и человека, и бога. Хорошо известны также имена древних богинь, которые ассоциировались с плодородием и воспроизводством, например древнегреческая Деметра, которая однажды даже позволила себе ставить условия Зевсу. Как нам известно из популярного в мировой культуре мифа, когда дочь Деметры, Персефону, похитил повелитель подземного царства Аид, безутеш-

ная мать добилась того, чтобы дочь только полгода проводила с мужем в царстве мертвых, а на остальные полгода возвращалась к ней. Иначе, как заявила Деметра, на земле вообще прекратится смена времен года, весна никогда не наступит, и земля перестанет плодоносить. И Зевсу с Аидом пришлось пойти на эти условия.

Но когда на смену древнему мифу приходят сказки, былины и другие образцы фольклора, роль женщины в них часто сводится к чисто функциональной: быть объектом похищения, наградой для героя, проводником или, напротив, препятствием. Однако так ли это, если покопаться в глубинных пластах народной памяти?

Внимание, которое уделяет современная культура фольклорному наследию в разных странах, тоже разнится. Не секрет, что современная европейская культура находится под сильным влиянием античности: на основе сюжетов греческих и римских мифов написано огромное количество художественных произведений, романов и пьес. Боги и герои античной мифологии запечатлены на картинах многих именитых художников вплоть до современности; им посвящено огромное количество музыкальных произведений и научных исследований. В этом каноне женские образы, при всей их значимости, зачастую остаются в рамках заданных ролей: мудрая покровительница (Афина), любящая мать (Деметра), роковая красавица (Афродита, Елена). Или жутковатая Медея, которая ради мести неверному супругу уничтожает соб-

ственных рожденных от него детей.

Но что нам известно о собственном, родном культурном наследии, где архетипы могли складываться иначе? В начале XIX века просвещенные люди по всему миру обратили внимание на то, что эллинистическая и романская культуры являются доминирующими, хорошо изученными, тогда как сказки и легенды других народов последовательно забывались. Древние божества уступали место новым монотеистическим религиям и вытеснялись во тьму прошлого, чтобы исчезнуть там, казалось, навсегда.

Культурное возрождение в России, начавшееся два века назад с собирателей сказок и исследователей былин, именно сейчас достигло своего расцвета. Активный интерес к прошлому страны, ее преданиям и легендам, обрядам, обычаям и традициям проявляют не только специалисты – культурологи, антропологи, филологи, лингвисты. Славянская старина с ее особенной красотой и поэтичностью становится частью современной культуры. Молодые творцы обращаются к ней за вдохновением, набирает популярность изучение славянского фольклора как часть поиска культурной идентичности. Появляются новые жанры в литературе, живописи, кинематографе. Феномен славянского фэнтези, возникший примерно три десятилетия назад, оформился и приобрел черты, которые узнают во всем мире.

Знать собственное прошлое становится модным. Уникальный былинный жанр возрождается в виде мультипли-

кационного сериала, а разнообразие обрядовых узоров, использовавшихся древними мастерами и мастерицами для украшения одежды и жилища, возвращается в наш повседневный быт с предметами, создаваемыми их сегодняшними наследниками и продолжателями традиций. Старина переосмысливается, сливается с современностью, обогащается опытом прошедших поколений, и рождается нечто новое, уникальное и прекрасное.

Узнавать об этом всегда интересно, для этого и об этом написана наша книга. Но мы не будем рассматривать весь русский фольклор в целом: на эту тему существует множество больших серьезных исследований, и тема эта слишком обширна для краткого обзора. Мы поговорим о русской женщине – такой, какой ее запечатлела и сохранила славянская мифология и культура в различных своих проявлениях. Причем женский образ мы рассмотрим как можно шире. Поговорим о жене, о матери, о злобной старухе Бабе-яге и, конечно, о красной девице, послушной дочери и женщине-воительнице – все эти образы представлены в русском фольклоре весьма ярко. Также нас ожидает встреча с довольно неожиданными «женскими портретами», такими как Печка, Яблоня, Живая и Мертвая вода. Ведь это тоже женские образы! И мы не только познакомимся с тем, какую роль сыграли все эти персонажи в русском фольклоре: там, где это возможно, мы постараемся увидеть в них отголоски архаичных культов: могучих богинь-прародительниц или грозных пове-

лительниц природных стихий, чьи черты позднее перешли к русалкам и ведьме. Ведь, как известно, история развивается непрерывно, и даже такой важный и глобальный культурный процесс, как христианизация Руси, не смог полностью прервать диалог с прошлым – древние образы прорывались в новую культуру. Богини и женские духи, олицетворявшие силы природы, принимали облик сказочных и былинных героинь, а где-то остались практически такими, какими были задолго до принятия христианства. Достаточно напомнить, что, например, мать богатыря Святогора былины называют Мать Сыру землю, да и сам Святогор, скорее всего, это просто обновленный образ какого-то из древних славянских богов.

Устное и литературное наследие Древней Руси изучали многие специалисты-фольклористы: Федор Буслаев, Орест Миллер, Александр Веселовский, Александр Афанасьев и многие другие. Мы же, опираясь на их труды, посмотрим на знакомые сюжеты под новым углом. Почему именно Василиса Премудрая или Марья Моревна становятся не просто наградой, а равноправными партнерами и спасительницами героя, обладающими недоступными ему знаниями и силой? Что скрывается за двойственной природой Бабы-Яги, которая может быть и губительницей, и дарительницей, и проводником в иной мир? Как в образе верной жены (например, в сказке о Финисте – Ясном соколе) отражается идеал и супружеской любви, и в то же время активного, рискованного

поиска?

Вместе с вами мы познакомимся с женскими образами русского фольклора – с тем, какими они были прежде в контексте мифологического мышления и социального уклада, и какими мы, люди XXI века, видим и интерпретируем их сейчас, открывая в древних архетипах вневременную мудрость и неожиданную актуальность. Это путешествие в мир, где женщина – не фон, а могущественная сила, источник жизни, тайного знания и духовной мощи.

Глава 1. Красна девица

Среди множества женских образов в русском фольклоре ярче всего выделяется (и встречается чаще) образ молодой

девушки. Дочь, невеста, молодая жена – излюбленная героиня сказки, легенды, былины. Как и герой мужского пола, девушка ищет своей судьбы, своего места в мире, противостоит козням и хитростям нечистой силы или проискам недругов.

Чтобы в конце концов получить награду, героиня должна проявить свои лучшие качества, доказав, что она достойна громкого звания. Если присмотреться внимательнее ко всем красным девицам – от скромной и послушной крестьянской дочери до воинственной богатырши, – можно заметить, какими достоинствами награждал народ этих фольклорных красавиц, какие черты считались поистине украшением женщины. Это скромность, сдержанность, уважение к старшим, почтение к достойному мудрому мужчине – отцу, царю, храброму воеводе. Это умение чтить традиции, мастерство в деле, расторопный ум и смекалка.

Доброта и отзывчивость к несчастьям других, нежность и забота, но и смелость, порой отчаянная, если приходится защищать родных и отчий дом, присущи как Алёнушке, так и грозной Василисе Микулишне. Самыми нежными красками нарисованы их портреты в народных преданиях, и потому так очаровывают они во всей своей нравственной чистоте и гордой строгости.

А высшим даром для девицы станет, конечно, любовь и достойный муж.

Послушная дочь

В фольклорной традиции славянских и европейских стран главным действующим лицом истории обыкновенно становится мужчина, женщине же отведена роль второстепенная – девы, которую необходимо спасти, добыть, помощницы или противницы, если речь идет о злонамеренной родственнице (чаще всего ведьме). Тем интереснее обратить внимание на целый пласт сказок, где в центр сюжета помещается девушка или девочка. Разница между этими наименованиями героини не всегда существенна, так как на Руси искать жениха начинали, когда невесте исполнялось 12–14 лет, а потому нередко девочка в конце сказки может неожиданно выйти замуж.

Общим тропом истории с главной героиней – женщиной является мотив утраты одного или обоих родителей, как, например, в «Крошечке-Хаврошечке»¹. Как правило, именно с этого события начинаются все беды горемычной героини. Отец женится повторно, и новая жена оказывается враждебно настроена к падчерице. Одна, вместе со своими дочерьми или другими родственниками, среди которых иногда оказывается даже нечистая сила, мачеха изо всех сил пытается навредить девушке: превратить ее в прислугу или вовсе сжечь

---

¹ Афанасьев А. Н. Народные русские сказки в трех томах. Том 1. М.: Изд-во «Наука», 1984.

с белого света. Случается, что круглая сирота вынуждена искать милости у чужих людей, и они также не проявляют к ней милосердия и участия, заваливая бедняжку невыполнимыми задачами, в чем проявляют порой просто дьявольскую изобретательность. Вспомним Хаврошечку: после того как обнаружилось, что выполнять приказы хозяйки ей помогает корова, оставшаяся от родителей, злобная женщина, возненавидевшая девушку, велела мужу зарезать животное и попыталась накормить убитую горем девицу коровьим мясом.

Если у девушки все же есть отец, то он никак не может защитить свою дочь: слишком много власти над ним забрала вторая жена, обманом или страхом вынуждая его занять ее сторону против родного ребенка. Но не всегда героине приходится противостоять горестям в одиночку – нередко народная фантазия дарует несчастной сиротке волшебного помощника.

Волшебный помощник – животное, магическое существо или предмет, помогающие героине или герою преодолевать трудности и справляться с препятствиями: корова Хаврошечки, Серый Волк, куколка, завещанная Василисе Прекрасной ее матерью. Волшебный помощник наделен сознанием и даром речи, благодаря чему может самостоятельно принимать решения в непростой ситуации, давать советы и оказывать поддержку. Помощник часто обладает сверхъестественными силами, при помощи которых защищает свою

хозяйку или хозяина от прямых и скрытых опасностей, выполняет каверзные задачи, поставленные перед героем.

Вот как повествует сказка о поступке матери, которая защитила перед смертью дочь, подарив ей не только помощника, но и свое благословение.

Жил в некотором царстве купец. Был он женат, и подарила ему супруга одну только дочь – Василису. Исполнилось девочке восемь лет, когда мать ее умерла, но перед смертью подозвала дочь к себе и протянула ей куклу, да так сказала:

– Запомни, Василисушка, мои последние слова! Даю тебе свое благословение и эту куколку. Ты ее береги как зеницу ока, всегда держи при себе, никому не отдавай. Случится тебе попасть в беду – накорми ее и спроси, как быть.

Похоронил купец жену, отгоревал положенный срок, думать стал, как бы новую невесту сосватать. Было у купца имя доброе и в доме достаток, многие хотели за него пойти, ему же приглянулась одна вдова. Не молода она была, и было у нее своих двое дочерей, ровесницы Василисы. Решил купец, что станет женщина ему доброй хозяйкой, а Василисе – нежной матерью, да ошибся. Взревновала вдова падчерицу – уж больно та была хороша, недаром прозвали ее Василисой Прекрасной. Рядом с ней собственные дети мачехи казались невзрачными, и решила она Василису известить черной работой, чтобы та высохла да подурнела.

Не спорила с мачехой Василиса, все сносила молча, отцу

не жаловалась. Однако с каждым днем расцветала все краше, а мачеха с дочерьми от злости становились лишь безобразнее. Не могли они в толк взять, как так выходит, что Василиса день и ночь, не покладая рук, трудится, а ничего ей не делается?

Василиса же, следуя завету матери, куколку прятала, кормила ее лучшими кусочками от своей трапезы. Сама не поест – куколке снесет, потчует ее тайком, как все в доме отдыхать отправятся, и приговаривает:

– Кушай, куколка, горя моего слушай! Совсем извела меня мачеха, покою не дает, со свету сжить хочет. Научи, как справиться с ее приказами? Как дальше мне жить?

Наестся куколка, утешит Василису, даст ей совет мудрый, а сама всю работу за девушку справляет, покуда та отдыхает. Еще только заря занялась, а у Василисы печь натоплена, вода nanoшена, огород в порядок приведен. Славно ей с куколкой жилось!

Родительское благословение давалось не только на смертном одре, но и в критические моменты жизни человека. Например, когда ребенок готовился вступить в брак, начать новое дело или отправиться в странствия по свету. Считалось, что благословение самых близких родственников способно защитить от сглаза, порчи, злых сил. С родительским благословением спорилась работа и процветал дом. Напротив, не получив его, можно было опасаться

неудачи и к делу приступали с опаской. Благословение, данное перед смертью, почиталось самым могущественным. Ребенок, получивший такое благословение, мог не бояться козней нечисти – она не решалась подступиться к нему.

Не только сиротство выделяет героинь этих сюжетов, им присуще и другое общее качество: все они – послушные дочери (даже те, кто остался вовсе без мамы и папы). Это проявляется во всем поведении и характере девочек: они неизменно почтительны со старшими, даже когда сталкиваются с открытой несправедливостью, и готовы выполнить любое приказание, пускай самое абсурдное и невозможное. Они не спорят, когда им говорят за ночь напролет полотна на целый год, и не жалуется на то, что им холодно, едва не замерзнув до смерти, как в сказке «Морозко». Они никогда не бунтуют против тех, кто притесняет их, так как чтут старшинство даже в тех, кто недостойно пользуется своей властью и авторитетом.

Послушную дочь сказитель наделяет и другими достоинствами, высоко ценившимися в девице на выданье: она искусная мастерица, хорошая хозяйка, неутомимая труженица. В отличие от ленивых и непривлекательных дочерей своей мачехи, она всегда встает с зарей и не знает ни минуты покоя. Потому щеки ее красны от движения и свежего воздуха, а глаза сияют добротой и нежностью. И, конечно, песня всегда на ее устах! Ведь свои испытания послушная дочь встречает

с кротостью и терпением, а если плачет и жалуется, то только украдкой, открывая сердце своему волшебному помощнику.

Характер послушной дочери всегда покладист, однако от сюжета к сюжету, она может по-разному проявлять себя – от пассивной жертвы обстоятельств, получающей избавление совершенно неожиданно, в силу стечения обстоятельств или постороннего вмешательства, до смелой и находчивой покорительницы иных миров. Там, где Марфушка в том же «*Морозко*» или Хаврошечка из всех сил стараются заслужить расположение людей, ненавидящих их, беспрекословно исполняя все поручения и оказываясь награжденными за свое смирение, Василиса Прекрасная из одноименной сказки идет в услужение к Яге, обманывает ее и получает в награду магический артефакт, с помощью которого добывается возмездие. Василиса не дожидается, пока герой явится за ней, чтобы спасти, – благодаря смекалке она спасает свою жизнь, расправляется с мачехой и ее дочерьми и выходит замуж за царя.

Описание внешности героини крайне редко фигурирует в русском фольклоре: по умолчанию мы знаем, что красна девица привлекательна (недаром же ее зовут так!), но в случае послушной дочери физические данные играют еще меньшее значение, чем обыкновенно. Скромность и достоинства девушки делают ее привлекательной для слушателя или читателя, и нельзя сомневаться, что девица с таким нравом просто обязана быть хороша собой. Подчеркивается главным

образом ее опрятность, аккуратность, деятельность, поэтому легко предположить, что именно эти качества делали девушку достойной внимания.

Важной чертой образа становится мастерское владение ткацким станком и прялкой – на Руси девушка сама, сначала под руководством старших женщин, а потом в компании подруг, готовила себе приданое. Наделяют ее и талантом рассказывать сказки и петь песни (с помощью которых героиня, случается, усыпляет недругов), делая хранительницей устного наследия, передававшегося из поколения в поколение. Во время посиделок молодежи, когда молодые люди присматривали себе невесту по сердцу, девушки часто заводили песню или рассказывали загадки.

Приданое невесты начинали собирать с рождения девочки. Складывалось приданое в большой сундук и включало в себя предметы домашнего обихода, вырезанную из дерева посуду, а также, по большей части, белье и одежду, сшитую девушкой из ею же сотканного полотна и украшенную вышивкой: постельное белье, полотенца и ручники, нижние рубахи, платья и все, что могло пригодиться ей в будущей семейной жизни.

В зависимости от достатка семьи, приданое могло включать также скотину, земельные наделы, драгоценности, меха, денежные суммы.

Героиня, вынужденная самостоятельно преодолевать препятствия на пути к счастью, как центральная фигура появляется в сказках и преданиях нечасто – как и в жизни, искать своей судьбы приходилось все больше мужчинам. Поэтому так интересно рассмотреть, каких же девушек представлял себе русский народ достойными собственной истории, какими свойствами наделял их, чтобы они оказались в силах одолеть недругов и обрести безопасность под защитой любящего мужа. Внешняя красота оказывается среди них совсем не главенствующей: сказители отдают предпочтение умелой мастерице, рачительной хозяйке, несварливой и щедрой, послушной и любящей.

Чудесная жена

Если образ послушной дочери в точности передает представления древних славян о том, какой должна быть женщина в семье – работающей мастерицей, терпеливой и заботливой хранительницей очага, покорной и преданной мужчине, – архетип чудесной жены в русских сказках и былинах оказывается неожиданным, даже дерзким для патриархального общества. Эту девицу по праву можно назвать сильной и независимой: она способна не только позаботиться о себе, но и выручить из беды попавшего впросак героя.

Чудесная жена – явление для русского фольклора уникальное. В легендах других стран можно найти истории о спутницах жизни, наделенных необыкновенными талантами, но почти все они – о браке с потусторонними созданиями, где невеста является то ли морской девой, то ли феей и почти всегда оставляет смертную семью, чтобы вернуться к своим родичам после нарушения условия или по прошествии оговоренного срока. Русская чудесница, несмотря на свои способности и на то, что нередко ей случается принимать иные обличья (например, лягушки или лебедя), всего лишь смертная дева и свою жизнь связывает с мужем навсегда. Даже если отцом девушки является морской царь, как в некоторых сказках, например *«Морской царь и Василиса Премудрая»*, отправляясь за героем, она навсегда отказыва-

ется от своего родства с иным миром.

Морской царь – персонаж русского фольклора, предположительно, заимствованный из скандинавской мифологии. Обитает в богато украшенном дворце, местоположение которого указывается по-разному: на дне моря, на острове, а иногда в озере Ильмень. В распоряжении морского владыки несметные сокровища; он может управлять погодой и морскими течениями, чтобы по своей воле насылать шторма или успокаивать воды. Жена его – царица Водяница, от которой у царя родилось несметное количество дочерей (в некоторых сказках и былинах называется число 900). Наиболее известная из них – Чернава, ставшая невестой Садко. Кстати, былины о гусяре и купце Садко – интересный пласт русского эпоса, тесно связанный с вольнолюбивым духом и богатством древнего Новгорода. В отличие от богатырских былинных циклов, здесь на первый план выходит не воинская доблесть, а торговая удача, а также связь с водной стихией. В сюжетах о Садко содержатся элементы, которые могут представлять собой наследие дохристианской мифологии.

Кульминацией морской эпопеи Садко является его путешествие в подводный чертог к Морскому царю. Желая удержать при себе искусного гусяра, повелитель вод приказал ему выбрать в жены одну из своих дочерей. Перед Садко проходят сотни красавиц, но мудрый купец-музыкант следует совету, полученному от Николы Можайского (или святого Миколы): пропустить всех и выбрать последнюю, Чер-

наушку. Этот выбор – ключевой. В фольклорной традиции «последний» часто означает «самый главный», сокровенный, обладающий истинной силой. Чернава – не просто младшая дочь; ее имя, возможно, указывает на связь с темными, таинственными водами родников и рек. Выбрав ее, Садко интуитивно находит правильный, сакральный ключ к своему спасению. Важный момент: если бы брак был осуществлен, Садко, скорее всего, пришлось бы остаться в чертогах Морского царя навсегда.

Свадьба Садко и Чернавы – яркий пример древнейшего мифологического сюжета о браке смертного героя с божеством природы (нимфой, русалкой, духом воды). Такой союз в архаичном сознании был возможен и даже почитен: он устанавливал связь между миром людей и могущественными силами, обеспечивая покровительство и благоденствие. Однако былина, дошедшая до нас в христианизированной среде, уже несет в себе иную логику.

Сразу после брачного пира Садко засыпает и просыпается уже на берегу реки Волхов, а его волшебная супруга исчезает. Такая развязка не случайность. Чернава, будучи повелительницей речных вод, сама возвращает мужа в мир людей. Их брак оказывается кратким символическим актом, после которого пути героя и духа природы расходятся. Здесь чувствуется христианское мировоззрение, для которого союз с «бесовской» (в понимании новой религии) стихией не может быть вечным. Брак с Чернавой – это не начало семейной жизни.

ни, а испытание и получение милости. Ее последний дар – не совместное бытие, а возвращение героя домой, к человеческому миру, который теперь находится под защитой высших, уже христианских сил, явленных через святого Николу.

Таким образом, в былине о Садко и Чернаве мы видим причудливое сплетение двух эпох: древний миф о сакральном браке-объединении трансформируется в христианскую притчу о чудесном спасении, где контакт с иным миром необходим, но не может длиться вечно. Чернава остается одним из самых загадочных и поэтических женских образов русского эпоса – помощницей, которая, исполнив свою роль, растворяется в стихии, ее породившей.

Основными чертами чудесной жены, конечно же, являются ее умение творить волшебство и острый ум. В отличие от ведьмы или злой колдуньи (о которых речь пойдет позже), она использует свои силы только во благо, хотя если в результате от ее ворожбы пострадает злодей, зазорным это не считается. Однако источник ее силы остается необъясненным. В редких случаях нам дают понять, что чародейству она обучалась у кого-то другого – старшего и могущественного, иногда у Яги или Кощея, к которым попала в результате обмана или сделки, заключенной с ее родителями. Иногда чудесная жена сама находится под воздействием чар или владеет волшебными предметами, главное – то, как она ими распоряжается.

Свои возможности чудесная жена употребляет на то, чтобы спасти героя или добиться для него каких-либо благ. Как

и послушная дочь, она владеет мастерством, необходимым в быту, но если обыкновенная девушка может прясть, ткать, вышивать и готовить лишь в меру сил обыкновенной женщины, эта чудо-дева легко превзойдет любого пекаря или мастера. Вспомним царевну-лягушку и то, как она справилась с испытаниями, придуманными отцом своего супруга для молодых невесток.

Отправил царь своих сыновей искать себе невест. Сказал: пусть по очереди выстрелят из лука, а куда стрела упадет – там и брать жену. И упала стрела старшего сына на боярский двор, среднего – на купеческий, а младшего, Ивана, – на болото.

Так пришлось Ивану-царевичу брать в жены лягушку-квакушку. Но недолго он о том горевал, потому как на другой день после того, как сыграли свадьбу, велел царь молодым женам за ночь испечь каравай хлеба, потом – выткать к утру ковер.

В обоих испытаниях, несмотря на помощь служанок, нянек и мамок, боярская и купеческая дочери не справились с задачей. Посмотрел царь-отец на плоды их рук и решил, что никуда они не годятся. А вот каравай царевны-лягушки показался ему достойным великого праздника, как и ее ковер: царь распорядился, чтобы расстилали его по особым случаям в его собственной горнице.

Царевна-лягушка – не единственная, обладающая способностью менять свой облик. Правда, носить лягушачью шку-

ру она была вынуждена из-за проклятья Кощея, но образ белой лебеди принимала по собственному желанию. Подобно ведьме или нечистой силе чудесная жена может превратиться в животное или птицу, но всегда делает это в моменты опасности, ради спасения себя, своей чести или спеша на выручку герою.

Замечательной чертой чудесной жены является ее жалостливое, почти материнское отношение к герою. Она его и из беды выручит, и накормит, и напоит, и обогреет. Порой кажется, что без помощи своей возлюбленной ему не сделать и шагу, а вот она как будто именно за беды героя испытывает к нему симпатию и привязанность. Не отсюда ли пошло известное выражение, что русская женщина *любит того, кого жалеет?*

Остроту ума чудесная жена демонстрирует, загадывая загадки или решая их за героя: кажется, нет такой задачи, которая ей не по силам. Она способна потягаться в хитрости и изворотливости с самим Кощеем, знает, как провести коварного Морского царя, выпутаться из беды и заполучить сокровище. Удивительно, что ни в одном сказочном сюжете она не хочет ничего для себя. Ее силы и таланты идут в ход, когда это требуется главному герою, и, несмотря на то что чудесную жену по праву можно считать архетипом сильной и самостоятельной женщины, в фольклоре роль ее всегда второстепенная, подчиненная.

Загадка – малая фольклорная форма, первоначальной задачей которой было передавать в закодированном виде знания о разных объектах и явлениях. Не случайно повторяющимся мотивом легенд и сказок является загадывание героями загадок. Сакральным смыслом этого занятия было выяснить, каким могуществом обладает стоящий перед вами персонаж: чем больше ответов на загадки ему доступно, тем яснее для него тайны мироздания и больше его сила. Недаром сказки и сюжеты о Василисе Премудрой, Марье Моревне и других пользуются огромной популярностью. В последнее время этот образ часто разбирается и переосмысливается исследователями женских архетипов. Наиболее известной и часто упоминаемой является работа Клариссы Пинколы Эстес «Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях», где Василисе уделено пристальное внимание. Желание больше узнать о чудесной жене побуждает авторов создавать произведения, где она становится главной героиней сюжета, независимой от мужского персонажа.

Но в фольклорной традиции чудесная жена остается таковой – верной и преданной подругой Ивана-царевича или другого протагониста. Одновременно помощница и трофей, иногда она сталкивается с неблагодарностью своего возлюбленного, оставляющего ее, подобно Ясону, как в сказке о Морском царе и Василисе Премудрой, где Иванушка, спа-

сенный Василисой, забывает о ней после избавления и возвращения в родной дом. Но никогда не превращается в злобную, мстительную фурию.

Интересный образ «чудесной жены» представлен в сказке «Марья Моревна»: правда, в ней можно также найти немало черт, которые роднят Моревну с другим фольклорным типажом – богатыршами. Так, как согласно сказке, Моревна регулярно отправляется в военные походы и способна «побить войско великое». Классический вариант этой сказки, записанный А. Н. Афанасьевым, выглядит так: у Ивана-царевича было три сестры, которые вышли замуж за сокола, орла и ворона. Через некоторое время Иван собирается в путь, чтобы навестить сестер и их мужей, и именно тогда происходит его встреча с Марьей Моревной:

Собрался в дорогу, шел, шел и видит – лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

– Коли есть тут жив человек – отзовись! Кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

– Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королева.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королева:

– Здравствуй, царевич, куда тебя Бог несет – по воле аль по неволе?

Отвечал ей Иван-царевич:

– Добрые молодцы по неволе не ездят!

– Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королева, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

– Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не моги заглядывать!

Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул – а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича:

– Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил – совсем в горле пересохло!

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

– Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!

Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро – взял свою прежнюю силу, потряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

– Спасибо, Иван-царевич! – сказал Кощей Бессмертный. – Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королеву, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу:

– Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!²

Далее Ивану-Царевичу предстоит пережить множество злоключений, в которых ему, конечно же, помогут сокол, орел и ворон – мужья его сестер. Кстати, эти чудесные птицы способны превращаться в «добрых молодцев». В итоге все заканчивается благополучно:

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

– Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать – другой не найти!

Погостили они, попиrowали и поехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать³.

У образа Марьи Моревны много общего с Василисой Премудрой, Еленой Прекрасной. Отчество Моревна, по мнению исследователей, означает ее происхождение от морского ца-

---

² Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. – Литературные памятники. М.: Наука, 1984–1985.

³ Там же.

ря – то есть Марья Моревна изначально могла быть каким-то древним природным стихийным божеством, образ которого постепенно переплавился в сказочный и приблизился к девам-воительницам. В похищении Кошчем Марьи Моревны также есть определенные параллели с похищением героини подземным божеством: вспомните хотя бы миф об Аиде и Персефоне.

Часто чудесную жену приходится добывать, и, хотя она сама активно помогает герою в этом, используя свою смекалку и волшебные способности, здесь находит отражение распространенный в русском фольклоре мотив *добывания невесты*. Встречается он так часто и имеет такие глубокие корни, что, пожалуй, стоит остановиться на нем подробнее.

Похищение невесты

Веселый свадебный обряд похищения невесты знаком многим. В современную Россию он пришел с Кавказа, однако традиция выкрадывать девиц брачного возраста имеет очень древнее происхождение и широко распространена по всему миру. В русском фольклоре она отражена целым рядом произведений – сказок и легенд, где герою приходится отправляться за подругой жизни в дальние страны и преодолеть на пути к счастью множество опасностей.

Чаще всего встречаются два мотива таких историй: 1) девушку похищает чудовище, персонаж из иного мира, наделенный сверхъестественным могуществом (здесь безусловными лидерами становятся Кощей Бессмертный и Змей Горыныч); 2) молодой удалец вынужден добывать невесту в чужих краях, чаще всего для кого-нибудь другого, как в сказке *«Иван-царевич и Серый волк»*. Конечно же, в финале зло будет побеждено, злодеи наказаны, а юные влюбленные воссоединятся, но перед этим им предстоит пройти немало испытаний.

Похищение невесты – сюжет не уникальный для русской мифологии. Подобные истории можно встретить и у древних греков, и на Востоке. Принято связывать этот троп с реальным обычаем похищать девушек, что чаще всего происходило во избежание близкородственных браков в общине. Невесту нужно было найти на стороне, однако далеко не всегда родные девушки (а иногда и она сама) были дружелюбно настроены к чужестранцу. В некоторых случаях – как в странах Кавказа – невесту крали, дабы избежать выплаты *калыма* за молодую жену.

Калым, или выкуп за невесту, – во многих странах, преимущественно восточных, существовала (или сохраняется по сей день) традиция перед заключением брачного союза выплачивать за невесту установленную сумму. Калым может быть выплачен не только деньгами, но и иными ценностями – украшениями, предметами роскоши, землей и скотом. Обыкновенно выкуп получают родители невесты, но в большинстве случаев эти ценности сохраняются за самой женщиной, чтобы компенсировать ее потери в случае неудачного замужества. Если же брак сложился счастливо, она может передать калым своим детям в качестве приданого.

Куда любопытнее другой, более древний, фольклорный мотив похищения – умыкание девушки зверем (например,

медведем) или птицей (чаще всего вороном), женой которого она становится и от которого рождает детей. Антропологи выдвигают предположение, что такие легенды берут начало в тотемизме – во времена, когда люди верили, что происходят от животных, и считали зверей и птиц своими предками. Следовательно, заключение брака смертной девушки со звериным предком можно рассматривать как союз вполне естественный.

Специфичным для русского фольклора является сюжет о похищении девушки змеем (аналогичным в западной мифологии могут считаться легенды о драконах, крадущих юных дев). Известный русский фольклорист Владимир Яковлевич Пропп отмечал, что фигура Змея является одной из самых загадочных как для мировой мифологии, так и для религии. На Руси змей мог быть как противником, так и союзником – например, охранять границы государства. Девуц он крадет ради вступления в брак.

Таким же образом поступает Кощей, чью фигуру нередко сравнивают с древнегреческим Аидом, и в таком контексте история о спасении похищенной девушки приобретает параллель с мифом о Персефоне. Девуцу забирают всегда неожиданно и внезапно, когда она гуляет с подругами на лугу, и уносят ее в Подземный мир, куда предстоит отправиться герою, чтобы вернуть возлюбленную.

Похищение змеем, Кошеем, а также неведомой силой, уносящей девушку, связывают также с мотивом смерти. На

это указывает неожиданность события, его неизбежность и то, что похитителем становится сверхъестественная сила, которой почти невозможно противостоять.

Время шло, представления наших предков менялись, и первоначальные истории, рассказывавшие о ритуальном браке с животным-прародителем, принесении жертвы ради умиротворения потусторонних сил, переосмыслились и превращались в сюжеты, где герою приходилось сражаться за свою возлюбленную, выручая ее из ловушки зловещих существ.

А иногда древний сюжет упрощался, становясь более понятным для основных потребителей сказки – детей – и приобретая концовку, не совсем характерную для историй об «умыкании невесты». В качестве примера можно привести народную сказку «Машенька и медведь», невероятно популярную, на основе которой снимались мультфильмы и в советское, и в постсоветское время. Сюжет прост: девочка по имени Машенька, отправившись с подругами в лес за грибами и ягодами, попадает в жилище медведя. Лесной зверь относится к девочке вполне дружелюбно, но требует, чтобы она осталась жить с ним, готовила, убирала, ухаживала за домом и огородом. В итоге Машенька находит способ перехитрить медведя: она печет пирожки и просит косолапого отнести их ее бабушке и дедушке. Медведь складывает пирожки в огромный короб, и девочке удается незаметно в него залезть. Ну а далее – классика: медведь, устав от долгой доро-

ги, собирается «сесть на пенек и съесть пирожок», Машенька же кричит из короба, что ей с крыши дома хорошо видны намерения медведя. Тот, думая, что девочка и в самом деле следит за ним с высоты, отказывается от своего намерения и двигается дальше; во дворе дедушки и бабушки на медведя набрасываются собаки, и лесной зверь, в испуге бросив короб с пирогами, убегает восвояси. Машенька же радостно приветствует своих родных.

Помимо древней темы ритуального брака девушки с предком-зверем, которая в этой сказке надежно завуалирована, мы можем заметить еще одну популярную тему: история о догадливой, умной, смекалистой девочке. В большинстве случаев это признак сказок о «чудесной жене», которая, например, желая спасти своего супруга, проявляет чудеса сообразительности и различные сверхспособности. Но иногда в сказках мы встречаем и вот такой упрощенный вариант: девочка находит способ перехитрить медведя, не обладая ни большой силой, ни волшебными навыками.

Спасительница

Архетип чудесной жены как женщины, выручающей из беды героя, был не единственным в русском фольклоре. Да, без волшебства Царевны-лягушки Иван-царевич ни за что не управился бы с заданиями батюшки, решившего испытать, на что годны его невестки. Но, правду сказать, жизни героя в этой сказке ничто не угрожало – страшиться можно было разве что насмешек братьев, огорчения отца да позора жить с лягушкой вместо жены. Однако в сказках есть и образы девочек, девушек и молодых женщин, которые становились не просто помощницами, а настоящими спасительницами, не спутницами героя, но главными героинями. Они не боятся нечистых сил, не страшатся дальнего пути и тяжелых испытаний, которые им обязательно предстоят.

Троп спасительницы хотя и всегда одинаков по смыслу, реализуется в сказках совершенно по-разному. Героиня, потерявшая родственника, возлюбленного или друга, вынуждена отправиться на поиски, во время которых преодолевает самые тяжелые препятствия, страдает от непогоды и голода, но в конце пути находит героя. Только это оказывается лишь частью испытаний, и не самой трудной. Часто герой оказывается во власти злых чар, порой даже не помнит, что стоящая перед ним девушка – его невеста или сестра. Спасительнице придется преодолеть колдовство злой волшебницы, а награ-

дой за это будет пробуждение любимого или брата, счастливое возвращение домой и свадьба или долгая мирная жизнь до глубокой старости.

Разнятся и причины, по которым герой попадает в беду. В некоторых случаях это происходит из-за небрежности, невнимательности или непослушания самой красной девицы. Так, например, происходит в сказке «*Гуси-лебеди*».

Сестрица Аленушка и братец Иванушка остаются одни. Родители, уходя в поле на весь день, дают старшей дочери наставление – следить за младшим братиком, беречь его, не оставлять одного. Но легкомысленная девочка, усадив его у крыльца, заигралась с подружками и не уследила, как налетели гуси-лебеди, слуги Бабы-яги, и унесли ее брата за тридевять земель на погибель. Ведь зачем маленькие дети злой старухе, как не для колдовства, а то и вовсе для еды?

Гуси-лебеди – волшебные помощники Бабы-яги. Интересно происхождение этого образа, на этот счет есть разные теории. В образе странных птиц, помеси домашних гусей и диких лебедей, некоторые исследователи видят стражей на границе дикой природы, пространства небесного и земного пространства, освоенного человеком. Потому они и повинуются Бабе-яге, которая зачастую в сказках предстает таким же стражем на границе Нави – обители темных существ, подземного и загробного мира – и Яви, мира срединного, в котором живут люди, животные и растения.

Есть другое мнение, что в сказках прообразом для гусей-лебедей как налетчиков, ворующих малых деток, послужили кочевники, с которыми постоянно воевала Древняя Русь. Походы половцев, например, часто имели целью именно похищение людей, а не захват территорий. Пленных после продавали в рабство.

В отличие от Крошечки-Хаврошечки или Василисы Прекрасной, дочерей послушных, Аленушка предстает дочерью непослушной и легкомысленной, не слушающей наказов старших, пренебрегающей родительскими наставлениями. Почему же тогда именно ее, а не похищенного Иванушку, мы считаем героиней сказки? Потому что, оступившись, нерадивая дочь отправляется спасать малого братца и тем самым становится на путь искупления вины и исправления.

Ей предстоят долгие поиски и встречи с волшебными помощниками – здесь их будет четверо: Печка, Яблонька, Молочная река с кисельными берегами и лесной ежик. И снова Аленушка, хоть и не убоившаяся опасностей и в одиночку решившая искать брата, проявляет спесь, неуважение и пренебрежение к дарам помощников. Она отказывается есть ржаные пирожки (невкусные, дома у бабушки пшеничные!) и дикие яблочки (кислые, в саду дома слаще!) и пить кисель, что предлагает ей Молочная река, перед тем как показать, куда унесли ее брата. Лишь еж соглашается помочь ей просто так.

Аленушка все же добирается до домика Бабы-яги, помогает и успешно крадет у нее пропажу – Иванушку. Но в погоню снова бросаются гуси-лебеди, и вот тут-то помощь Печки, Реки и Яблони становится неоценимой. Девочка соглашается выполнить их условия, и те прячут ее от преследователей. Аленушка благодарит помощников, и скоро они с

братом оказываются дома.

Девочка проходит весь путь героя – от послушания через испытания к осознанию и раскаянию. Она возвращается домой, не просто спасши брата, но и осознав, наконец, что нужно почитать и слушаться старших, беречь и заботиться о слабых, быть послушной и благодарной.

Другой тип спасительницы – девушка работающая и прилежная, спасающая милого, попавшего в беду по воле ее злых родственниц, чаще всего завистливых сестер. Таким является образ Марьюшки (в других интерпретациях Настюшки или Аленушки) в сказке «*Финист – Ясный сокол*».

Марьюшка живет с вдовым отцом и сестрами, она из них самая трудолюбивая, добрая и скромная, как и положено красной девице. Пока сестры требуют от батюшки привезти с базара шелков да нарядов, она просит лишь одного – перышко Финиста – Ясного сокола. Не сразу, но добывает ей отец перышко. Девушка бросает его на пол, и является перед ней жених – Финист – Ясный сокол.

Конечно, сразу замуж красавицу и умницу взять он не может: ведь надо ухаживать, потом благословения родительского просить. Вот и летает он днем соколом, а вечерами навещает Марьюшку. Завистливые сестры (зависть и жадность в русском фольклоре – одни из самых тяжких грехов) узнают об этом и устраивают ему ловушку.

Финист думает, что не нужен Марьюшке, и говорит о том, что если ей нужен, она найдет его, износив три пары баш-

маков железных, изломав три посоха железных, порвав три колпака железных.

Потеряв возлюбленного, спасительница отправляется в путь. Трижды помогают ей звери лесные, трижды она встречает на своем пути избушку Бабы-яги – трех волшебных сестер, получает от них три волшебных подарка. Именно эти дары помогают ей выручить любимого. Износив три пары железных башмаков, изломав три железных посоха, изорвав три железных колпака, Марьюшка добирается в заморский край, где живет ее соперница – царица-волшебница, опоившая Финиста и женившая его на себе.

Число три – одно из магических чисел в мировой культуре и религии и самое часто встречающееся число в русском фольклоре. Тройке приписывались магические свойства благодаря ее полноте: в ней есть одновременно начало, середина и конец; прошлое, настоящее и будущее. Три возраста человека – юность, зрелость и старость – и три его состояния – рождение, жизнь и смерть. Поэтому волшебные заговоры, как и молитвы, повторяются трижды, чтобы придать им силу. С этой же целью тройкратно производятся обрядовые действия.

Как уже говорилось, мотив околдованного героя в подобных сказках встречается очень часто. Иногда он узнает героиню, но не помнит об их любви, иногда и вовсе не узна-

ет. Финист же не может даже увидеть Марьюшку. Царица, увидев волшебные подарки старух – серебряное блюдечко и золотое яичко, серебряные пяльцы и золотую иголку, серебряное донце и золотое веретене, просит продать их. Но девушка соглашается только обменять их на право трижды посмотреть на жениха. Однако Финист – Ясный сокол, опоенный немилой женой, спит беспробудным сном. Лишь горькая слеза Марьюшки, которая попадает ему на кожу в третий раз, будит ее любимого.

Добро торжествует. Очнувшийся Финист созывает народ, чтобы решить, кто станет ему женой: та, что искала и три пары башмаков железных истоптала, или та, что за диковинки ночи с ним продавала. Конечно, народ выбирает спасительницу, а царицу-волшебницу ждет смерть.

Этот сюжет встречается у многих народов, из фольклорной сказки перекочевав потом и в сказку литературную. Троп «*Красавица и чудовище*» можно увидеть в одном из древнегреческих мифов об Амуре и Психее в изложении Апулея, у Шарля Перро в одноименной сказке, у Сергея Аксакова в сказке «*Аленький цветочек*». Исходные условия могут отличаться, но само действие всегда одно – девушка, спасающая героя и награжденная за преданность и смелость счастливым браком.

Богатырша

Пожалуй, самым архаичным образом красной девицы является образ воительницы – девицы-богатыря. Богатырши и удалые поляницы – не послушные дочери и не волшебные помощницы. Вероятно, сказания о них берут начало в эпоху матриархата, на ранних стадиях общественных и семейных отношений, которые, предположительно, существовали до перехода к патриархальному строю и моногамии.

Матриархат (от греч. μήτηρ, μάτηρ – «мать» + ἀρχή – «господство, начало, власть»; буквально – «власть матери») – форма общества, где главную роль играли не мужчины, а женщины, часто это были матери семейств.

Одним из самых древних свидетельств существования такой организации общества может быть древнегреческий миф об амазонках. Воинственные женщины не признавали власти мужчин, вступали с ними в связь только для рождения детей, оставляли в общине лишь девочек, которых воспитывали воинами. Эти сказания подтверждаются находками археологов, обнаруживших богатые захоронения знатных женщин с оружием, а не с прялками или горшками на территории разных государств.

Судьба богатырши не всегда развивается одинаково. Од-

ним из общих мотивов самых древних сказаний у разных народов является победа женщины-воительницы над мужчиной.

Такова, например, былина о Добрыне Никитиче и Настасье Микулишне – «Добрыня и Настасья». Богатырша и сама по себе девица не из простых: ее отцом был богатырь Микула Селянинович. Но отцовская слава ей не нужна – хватает и своей.

Возвращаясь после битвы со Змеем Горынычем, Добрыня

увидел в поле огромного воина в женских одеждах и решил силушку богатырскую попробовать. Только вот напал он на поленицу трижды, прежде чем она его вообще заметила.

Разгорелся тут Добрыня на добре коне

И наехал тут Добрынюшка да в третий раз

А на ту же поленицу на удалую,

Да ударит поленицу в буйну голову.

На коне сидит же поленица, сворохнулася

И назад же поленица оглянцлася.

Говорит же поленица да удалая:

«Думала же, русские комарики покусывают, —

Ажно русские богатыри пощелкивают!»⁴

Поляница, или поленица – женица-воительница, богатырша, обладающая воинскими навыками не хуже, чем мужчины-богатыри. Главное ее занятие – полякование, то есть выезд в чистое поле и битва с врагом. Получить богатыршу в жены можно было, лишь победив ее в бою.

Справиться с воительницей Добрыня не смог. Та и воевать-то с ним не стала – сдернула с коня и в карман себе засунула. Подумала богатырша и решила: если хорош собой добрый молодец, то замуж за него выйдет, а если не понравится – голову с плеч снесет. Богатырю повезло, девушке он при-

---

⁴ Былины/Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. – М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с.: ил. – (Б-ка русского фольклора; Т. 1).

глянулся, так что свадьбу сыграли и зажили, как в сказках и полагается, счастливо. Правда, былины говорят и о том, что, променяв свободу на брак с воином, поленицы утрачивали собственную богатырскую силу, становясь просто нежными женами.

Об этом рассказывает другая былина о Настасье Микулишне – «Неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», как третий по силе русский богатырь поступил бесчестно по отношению к своему названому брату, только вот выгоды с этого не поимел.

Образ жены, дожидаящейся мужа из дальнего странствия, встречается во многих легендах. Такова, например, легенда из древнегреческой мифологии в изложении Гомера – об Одиссее и Пенелопе. Вот какая история приключилась с русской Пенелопой – Настасьей Микулишной.

Князь Владимир услал Добрыню в Орду с поручением, уезжая, дал жене богатырь наказ:

*Ожидай меня, Добрынюшку, по три года.
Если в три года не буду – жди по дру́го три,
А как исполнится-то время шесть годов,
Как не буду я, Добрыня, из чиста поля,
Поминай меня, Добрынюшку, убитого.
А тебе, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи, да хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря,*

*Только не ходи за моего за брата названого,
Ты за смелого Алешу за Поповича⁵.*

Через шесть лет Добрыня так и не воротился. И киевский князь принялся сватать красавицу за своих подданных, предлагая в мужья то боярина, то купца, а пуще всего – богатыря Алешу Поповича. Именно младший из русских богатырей привез в столицу нерадостную весть:

*Как во тую пору, да во то время,
Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил им весточку нерадостну,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Он убит лежит да на чистом поле:
Буйна голова да испроломана,
Могучи плеча да испростреляны,
Головой лежит да в част ракитов куст⁶.*

По первому разу Настасья Микулишна ему не поверила. Ответила, что, мол, по велению мужа ждала его шесть лет, а еще шесть лет будет ждать по велению собственного сердца. Но и еще через шесть лет Добрыня не воротился. И когда князь снова приехал к ней сватом, согласилась выйти за Алешу Поповича.

Добрыня же, узнав об этом, нарядился скоморохом и явился на их свадьбу. Играл богатырь так хорошо, что князь

---

⁵ Там же.

⁶ Добрыня в отъезде // Добрыня Никитич и Алеша Попович. – М.: Наука, 1974. – С. 229–236. – (Лит. памятники).

пригласил его за княжий стол сесть и вина выпить, но Добрыня попросил чарку зелена вина поднести тому, кому сам захочет. Кубок он подал Настасье, а выпив его, она обнаружила на дне перстень, которым Добрыня с ней венчался.

Выйдя замуж, Настасья Микулишна богатырской силы лишилась, как и все замужние поленицы (в этом ясно прослеживается мотив перехода общества к патриархату). Потому за подлость Алешу, принесшего ложную весть о смерти Добрыни, наказывает сам богатырь.

*Да он выдернет Алешку через дубов стол,
Как он бросит Алешу о кирпичен мост,
Да повыдернет шалыгу подорожную,
Да он учал шалыжищем охаживать,
Что в хлопанье-то оханья не слышно ведь.
Да только-то Алешенька и женат бывал,
Ну столько-то Алешенька с женой сыпал.
Всяк-то, братцы, на веку ведь женится,
Не всякому женитьба удавается,
А не дай бог женитьбы той Алешиной⁷.*

С Настасьей же, испросившей у мужа прощения, Добрыня остался жить по-прежнему.

Постепенно образ просто славной воительницы преобразовался в образ богатырши-изменницы. Одним из примеров такого перерождения является образ безымянной поленицы

---

⁷ Неудавшаяся женитьба Алеша Поповича // Былины. – М.: Сов. Россия, 1988. – (Б-ка русского фольклора; Т. 1). – С. 223–233.

в былине «Илья Муромец и дочь его».

Три богатыря встретили в чистом поле девушку, которая вызывала себе поединщиков. Ни Алеша Попович, ни Добрыня Никитич не решились вступить с ней в бой, и тогда вышел против нее сражаться самый старший – Илья Муромец. Сражение было долгим: трижды три сходились они – на палицах, на копьях и врукопашную. Но в бою не была Илье суждена смерть: он сумел победить воительницу, а когда спросил, какого она роду-племени, оказалось, что она его родная дочь.

Убивать девушку Илья Муромец не стал – наоборот, обнял и приветил, и разошлись они миром. Но когда богатырь лег спать в шатер в чистом поле, поленица решила, что стыдно в землю русскую съездить и богатырю проиграть. Она вероломно напала на спящего отца и нашла смерть от его руки.

Тот же мотив мы встречаем и в былине «Дунай и Настасья Королевична». Как и в других былинах, богатырь Дунай, встретившись с воительницей, вступает с ней в бой. В этот раз сила оказалась на его стороне. Потеряв в бою глаз, он все же победил девушку и взял ее в жены. Правда, брак их был недолгим. На одном из пиров во хмелю затеялся между ними спор, кто точнее стрелой бьет. Вышли богатырь с богатыршей на состязание. Стреляли они по очереди – надо было попасть стрелой в перстень, который клали на голову. Настасья сумела сбить кольцо стрелой. Но муж, не стерпев обиды, ее убивает:

Как кладет же Настасья перстень к себе на главу,

Тут стреляет Дунаюшко сын Ивановичь:

А он первой раз стрелил – перестрелил,

А он второй раз стрелил – не дострелил,

А он третей раз прямо метит во белы груди.

Тут змолиласе Настасья-королевисьня:

«Уж ты тихие Дунай сын Ивановичь!

Ты прости меня, бабу глупую:

Иише женьски-ти волосы долги же,

А и ум-то у женьшишины короткий же;

Иише есь у мня в утробы младень же —

И засеян тобой же!»

Иише этому Дунаюшко не поваровал,

Он стрелил прямо во белы груди —

И застрелил Настасю-королевисьню⁸.

Но убив супругу, Дунай и сам жить не стал, бросившись на меч. Былина говорит, что из его крови зародилась река Дунай, а из крови богатырши – Настасья-река.

Ну и, разумеется, нельзя обойти вниманием еще один мотив о девах-воительницах – как о хитроумных спасительницах богатырей. Об этом повествует былина «Ставр Годинович».

Старшая сестра Настасьи Микулишны, Василиса, стала женой боярина Ставра Годиновича из Чернигова. На княже-

---

⁸ Дунай Иванович-сват: [Былина] № 114 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Наука; М.: Классика, 2001–... – (Свод рус. фольклора). Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. – 2004. – С. 125–133.

ском пиру принялся Ставр хвалиться супругой:

*Во третьем терему – молодая жена,
Молодая Василиса, дочь Никулишина.
У ней белое лицо ровно белый снег,
Ягодицы ровно маковицы,
Черные брови черна соболя,
Ясные очи ясна сокола,
Ретивым она сердцем хитра-мудра⁹.*

Позавидовав ему, князь Владимир приказал посадить Ставра в погреб, а жену его привезти к себе. Один из слуг Ставра успел добраться до Василисы и предупредить ее:

*Ах ты ей, Василиса, дочь Микулишина!
Сидишь ты, пьешь да проклаждаешься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
Как твой Ставер да сын Гоудинович
Посажен в погреба глубокие;
Похвастал он тобой, молодой женой,
Что князей-бояр всех повыманит,
А солнышка Владимира с ума сведет¹⁰.*

Пришлось Василисе Микулишне остричь свои косы русые, переодеться в мужское платье и отправиться выручать из беды хвастливого муженька. Прикинувшись послем земли Ляховицкой (в другом варианте былины – послем от Зо-

---

⁹ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов. – Новосибирск: Наука. Сиб отд-ние, 1991.

¹⁰ Там же.

лотой Орды), богатырша приехала свататься к дочери киевского князя. Сам властитель Киева обмана не распознал, но его дочь стала пенять отцу, что тот собрался выдать ее за женщину. Василисе пришлось пройти воинские испытания, чтобы доказать, что она богатырь, а не девица. Пришлось князю ладить свадьбу.

На свадьбе же Василиса сидела грустная, а когда князь спросил, о чем ее думы печальные, попросила привести удалого гусяра, чтобы душу потешить. Ставр Годинович был знаменит игрой на гусях – его-то и привели из погреба на княжескую свадьбу. Трижды подходила к нему Василиса Микулишна, трижды спрашивала, узнает ли он ее, но боярин все отказывался, говорил, что знать не знает посла. И лишь когда Василиса попросила князя позволить отвезти Ставра к своей дружине, а в шатре переделалась в женскую одежду, боярин жену признал, а князь согласился их отпустить.

Женский образ в пространстве былины очень разнообразен, но одно несомненно: русские богатырши не уступали богатырям ни в силе, ни в храбрости, а уж какую судьбу выбирали себе после свадьбы, той следовали до конца.

Глава 2. Мать

Трудно найти хотя бы одну мифологическую систему Древнего мира, в которой нет архетипа матери. Богиня-прародительница, покровительница домашнего очага, плодородия – она была древнее и могущественнее мужских божеств, дарила жизнь и несла смерть. О богинях славянских племен мы еще будем говорить. Пока же разговор у нас пойдет о человеческом воплощении этой древней хтонической силы – об образе матери.

Доброта, забота, сочувствие, безграничная любовь, мудрость – вот качества, которые связаны в нашем сознании с матерью. Давшая жизнь, мать охраняет и успокаивает нас; в русском фольклоре существует огромный пласт колыбельных, которыми мать утешает и убаюкивает ребенка, обещает ему сытость и спокойную жизнь под защитой старших.

Баю, баю, зазыбаю.

Отец пошел за рыбою,

А матушка дрова рубить,

А бабушка уху варить.

Спи, спи, дитя милое!

Укачаю я тебя,

Убаюкаю тебя¹¹.

В колыбельных мать пророчит ребенку долгую и счастливую жизнь, остерегает от неразумных поступков, как в песенке о сером волчке. Порой она, будто ведьма, зовет вол-

---

¹¹ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М.: Просвещение, 1987.

шебных помощников, чтобы усыпить дитя. Но зла от этого ждать не стоит – ведь матушка к себе зверя не привязывает, а просит помощи и готова щедро расплатиться.

*Котик серенький,
Хвостик беленький,
Он по улице ходил,
Ночевать к нам приходил,
Лешеньку попросил:
Пусти меня ночевать,
Я стану всю ночь качать!
Уж я тебе, коту,
За работу заплачу,
Лапки вызолочу,
Хвостик высеребряю¹².*

Но не меньше в русском фольклоре и материнских плачей. Оплакивает она и младенца, не пережившего суровую зиму, и взрослого сына, сложившего буйную голову в борьбе с врагом.

*Мои скоры ноженьки не тянутся,
Мои белые ручушки не вздымаются,
Мои очи ясные не глядят на белый свет.
Вы завейте, ветры буйные, вы развейте желты пески!
Вы расколите-тко гробову доску, размахните тонко бело
полотно!*

---

¹² Песни колыбельные и детские прибаутки. Страсбург: тип. Зильбермана, 1870.

*Мои милые детишки, размахните свои белые ручушки,
Распечатайте вы свои уста сахарныя!*

Разомкните свои очи ясныя!

*Промолчите вы мне хоть единое словечушко!*¹³

Интересно, что значение образа матери, скорее, не в том, каков он, а в том, что его практически нет. Женщина, которая произвела ребенка на свет, должна оберегать и растить его, учить обычаям и традициям, передавать навыки, быть примером труда и мудрости. Но в подавляющем большинстве сказок героини, чаще, чем герои, оказываются без материнского попечения. Даже если остается жив отец, судьбу ребенка или подростка решает уже другая женщина – злая мачеха, о которой речь впереди. Или герой остается на попечении бабушки и дедушки, немощных стариков, а то и вовсе живет у чужих людей. Но даже отсутствующая, мать продолжает помогать и наставлять, оставляет волшебные предметы и свое материнское благословение. И значение этого образа трудно переоценить.

---

¹³ Мельников-Печерский П. И. Журнал «Русский вестник», 1871–1874.

Наставница

Образ матери в былинах – это образ эпической героини, по-своему не уступающей значимостью самому богатырю. Такова, например, матушка богатыря Добрыни Никитича. В источниках имя разнится: ее называют то Офимьей Александровной (это имя, скорее всего, представляет собой искаженное *Евфимия*), то Мамелфой Тимофеевной (иногда Амелфой).

Именно с материнского предостережения, которое оказывается вещим, и начинается былина «Добрыня и Змей».

В один особенно знойный день решил Добрыня сходить

к Пучай-реке, искупаться в ее прохладных водах. Мать его, вдова Офимья Тимофеевна, просила туда не ходить: река, мол, опасная, в три потока льется – в одном искры сыплются, во втором пламя бушует, из третьего дым валит. Добрыня клятвенно уверил, что просто прогуляется по полям, и мать, успокоившись, отпустила его.

Но Добрыня солгал: напрямик к реке отправился, да и полез в воду. Не испугался – вода показалась приятной, бодрящей. Но не успел он достичь середины, как небо почернело, молния ударила, и сверху ринулся Змей Горыныч – трехголовый, с семью когтями, рыкнул громом:

– Сказывали мне старцы, что от рук Добрыни погибну. А он сам, глупец, мне в лапы лезет!

– Победи сперва, – бросил ему Добрыня, – а уж потом похваляйся!

Завязалась лютая схватка. Конь Добрынин в страхе убежал, унося доспехи. Но даже без оружия Добрыня одолел змея. Взял с него клятву, что не будет тот больше летать над Русью, разорять селения, похищать дев. Змей поклялся – и был отпущен.

Только слово свое он не сдержал: как только освободился, в Киев полетел и увлек с собой княжью племянницу, красавицу Забаву Путятишну, в Сорочинские горы. Князь вызвал Добрыню и приказал вызволить девицу. Да не мечом, ведь теперь, говорит, Змей тебе брат названный. А не справишься – голова с плеч.

Добрыня, сокрушенный, вернулся домой. Мать услышала – побледнела, но виду не подала. Велела сыну отдыхать, а сама всю ночь плела ему плетку из семи шелков. Утром вручила:

– Поезжай. У входа в логово будут змееныши – пусть конь их топчет, а как устанет, плеткой стегни меж ушей, силы прибавится. Всех перебей. А дальше – Забаву спасай.

***Вещий** (книжное, поэтическое, устаревшее) – тот, кто знает (ведает), предсказывает будущее, пророчит. В сказках часто встречается мотив вещих снов, которые предупреждают или направляют героев, вещих слов помощника или наставника.*

Плетка, которую мать сплела Добрыне, помогла ему не только змеенышей извести, но и победить самого Змея Горыныча, освободить князеву племянницу и русских мужиков, которых змей увел в полон. Даже ослушавшегося сына матушка пожалела, простила и помогла, хотя на Руси родительское наставление считалось священным.

Другой образ матери-наставницы дают былины о Василии Буслаеве. Имя героя новгородских былин впервые упоминается в Новгородской летописи XVI века. По всей видимости, и сказания о нем складываются примерно в это же время.

Василий Буслаев рос в Великом Новгороде и с малых лет обладал богатырской силой и хвалился молодецкой удалью,

не знавшей узды. Никто не мог с ним помериться силой.

*Будет Василий семи годов,
Стал он по городу похаживать,
На княженецкий двор он загуливать,
Стал шутить он, пошучивать.
Шутить-то шуточки недобрые
С боярскими детьми, с княженецкими:
Которого дернет за руку – рука прочь,
Которого за ногу – нога прочь.
Двух-трех вместе столкнет – без души лежат¹⁴.*

Никто не мог на него управы найти, никто справиться не мог, потому шли новгородцы на поклон к матушке богатыря.

*Приходят с жалобой от князей новгородских
К пречестной вдове Мамелфе Тимофеевне:
«Ай же ты, честна вдова, Мамелфа Тимофеевна!
Уйми ты свое детище любимое,
Молода Васильюшка Буслаева:
Ходит он по городу, похаживает,
На княженецкий двор он загуливает,
Шутит он шуточки нехорошие
С теми детьми боярскими,
С боярскими детьми, княженецкими,
Побивает смертью напрасною».
Тут честна вдова Мамелфа Тимофеевна*

---

¹⁴ Василий Буслаев (Бой с новгородцами) // Былины. – М.: Сов. Россия, 1988. – (Б-ка русского фольклора; Т. 1). – С. 451–458.

*Не пускает сына гулять во Новгород,
Шутить шуточек недобрых*¹⁵.

Выросши до семнадцати лет, силу Василий Буслаев почувствовал в себе несокрушимую, справил оружие: и копьё бурзамецкое взял себе, и вострую саблю наточил, и лук с мощным боем сделал. Собрал пир на весь мир, досыта кормил и допьяна поил молодцов, что к нему пришли угощаться, целых двенадцать дней. Из них Василий и выбрал себе тридцать дружинников, всех как на подбор – молодых и ретивых.

Бурзамецкое (мурзамецкое, муржемецкое, диал.) – татарское, восточное (от «мурза» – татарский феодал).

Попав в один из дней на княжий пир, не разумел Василий меры в вине. А напившись, стал похваляться, что один со своей дружиной всех мужиков Великого Новгорода побьет. Слушали его, но верить не спешили, и тогда Василий побился с тремя новгородскими князьями на великий заклад и назначил время и место встречи.

Но матушка богатыря на встречу эту непустила. Считая сына буйным и неразумным, она заперла его в подвалах дома, а на Волховский мостик пришла его ватага биться без предводителя. Конечно, без богатыря куда им было управиться со всеми новгородскими мужиками. Битву дружина

---

¹⁵ Там же.

Василия проигрывать стала. Увидела одна из дворовых девок Мамелфы Тимофеевны, как гонят новгородцы ватажников, побежала и выпустила Василия.

Хоть и не было у него оружия, Василий схватил тележную ось и побежал скорее на помощь. Против его силы новгородцы не устояли, и снова пришлось князьям бежать и звать на помощь его матушку.

Честна вдова Мамелфа Тимофеевна

Одевала платьица черные,

Одевала шубу соболиную,

Полагала шелом на буйну голову,

И пошла Мамелфа Тимофеевна

Унимать своего чада любимого.

То выгодно старушка догадалася —

Не зашла она спереди его,

А зашла она позади его

И пала на плечи могучие¹⁶.

Хитрость Мамелфы Тимофеевны была оправдана. Подойди она к сыну спереди – не удержал бы удара и убил ее. Но теперь никого не слушавший Василий Буслаев внял словам матери.

Тут Васильюшко Буслаевич

Опускает свои руки к сырой земле,

Выпадает ось железная из белых рук

На ту на мать, на сыру землю.

---

¹⁶ Там же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.